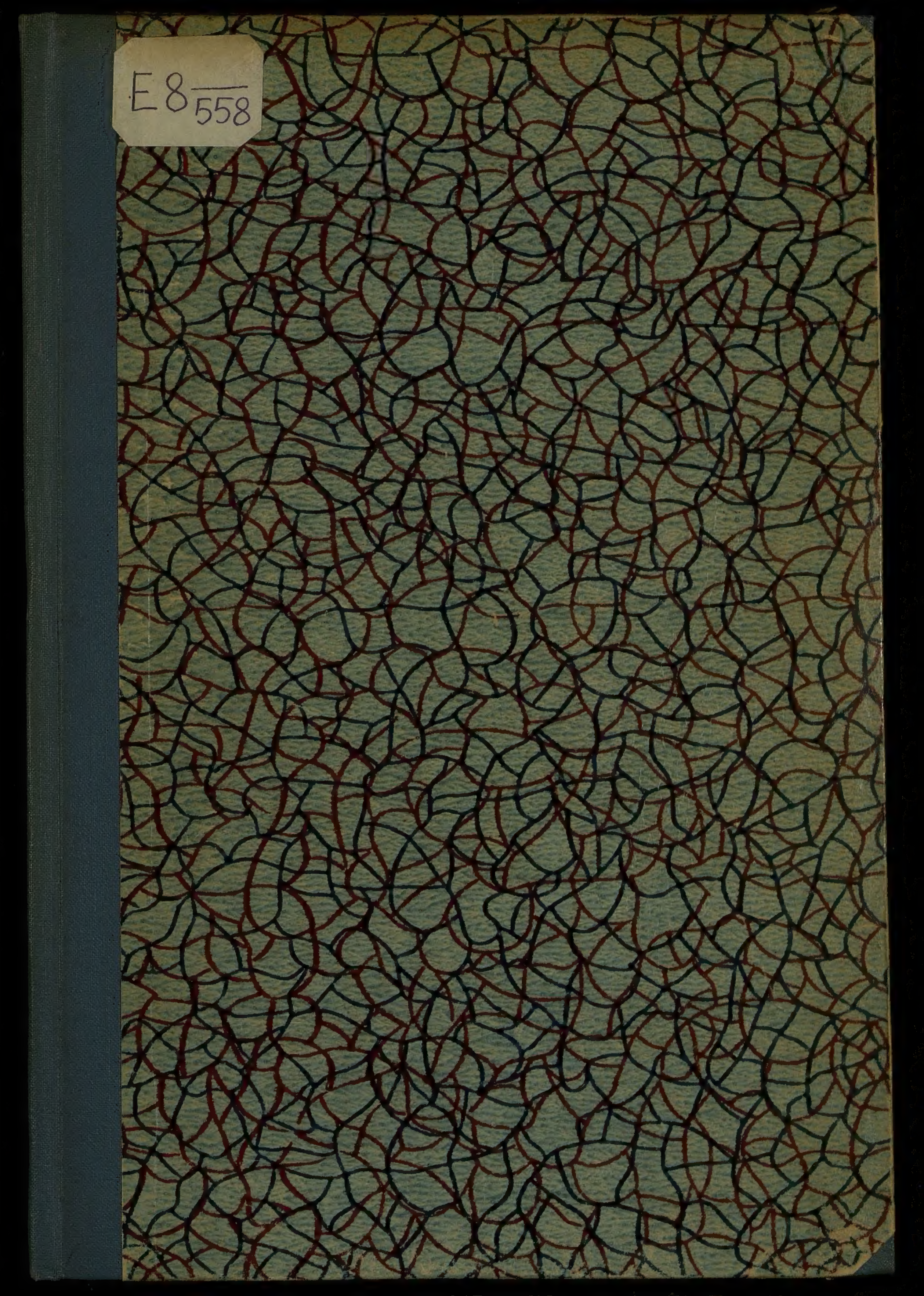
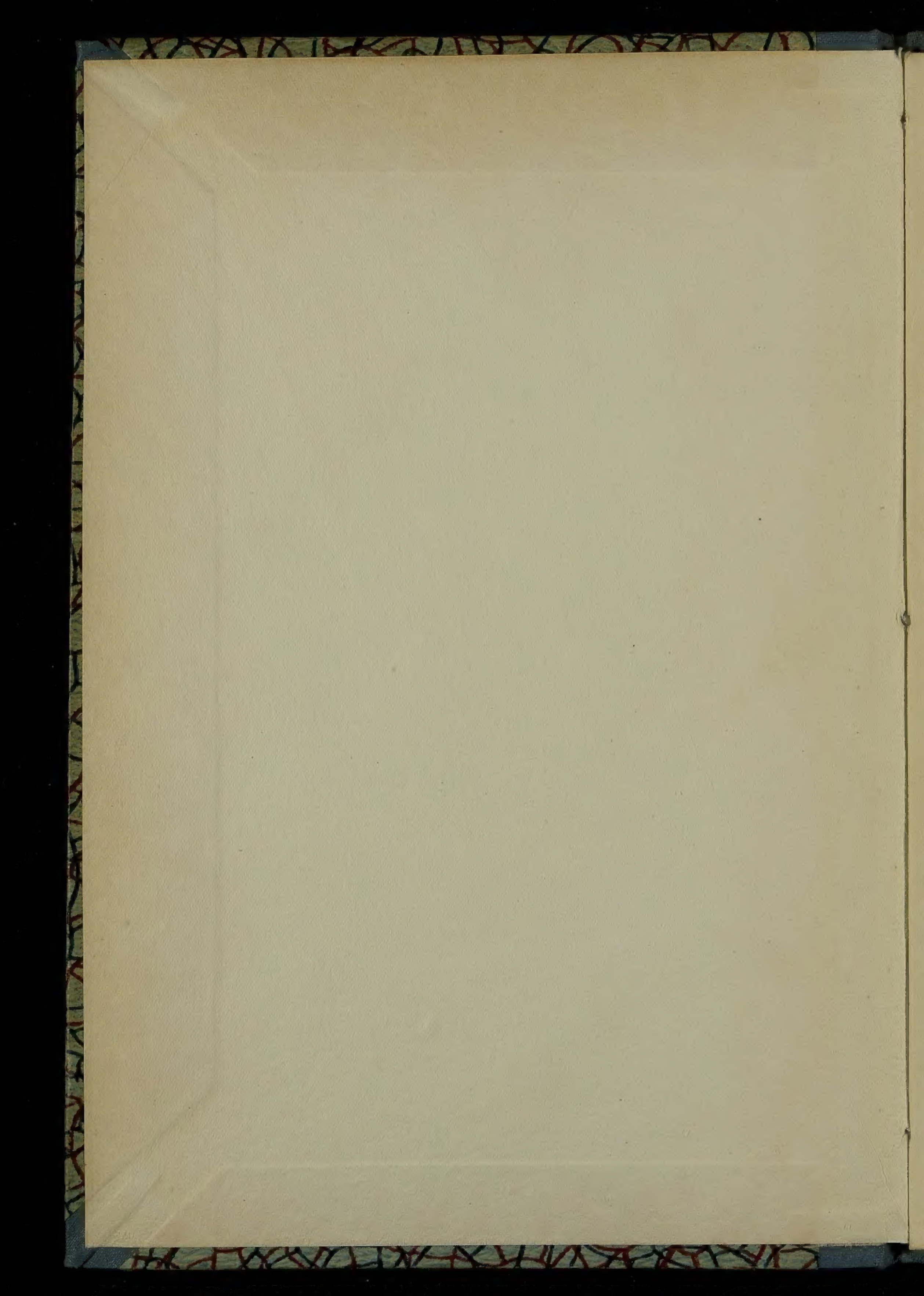

E 8 558

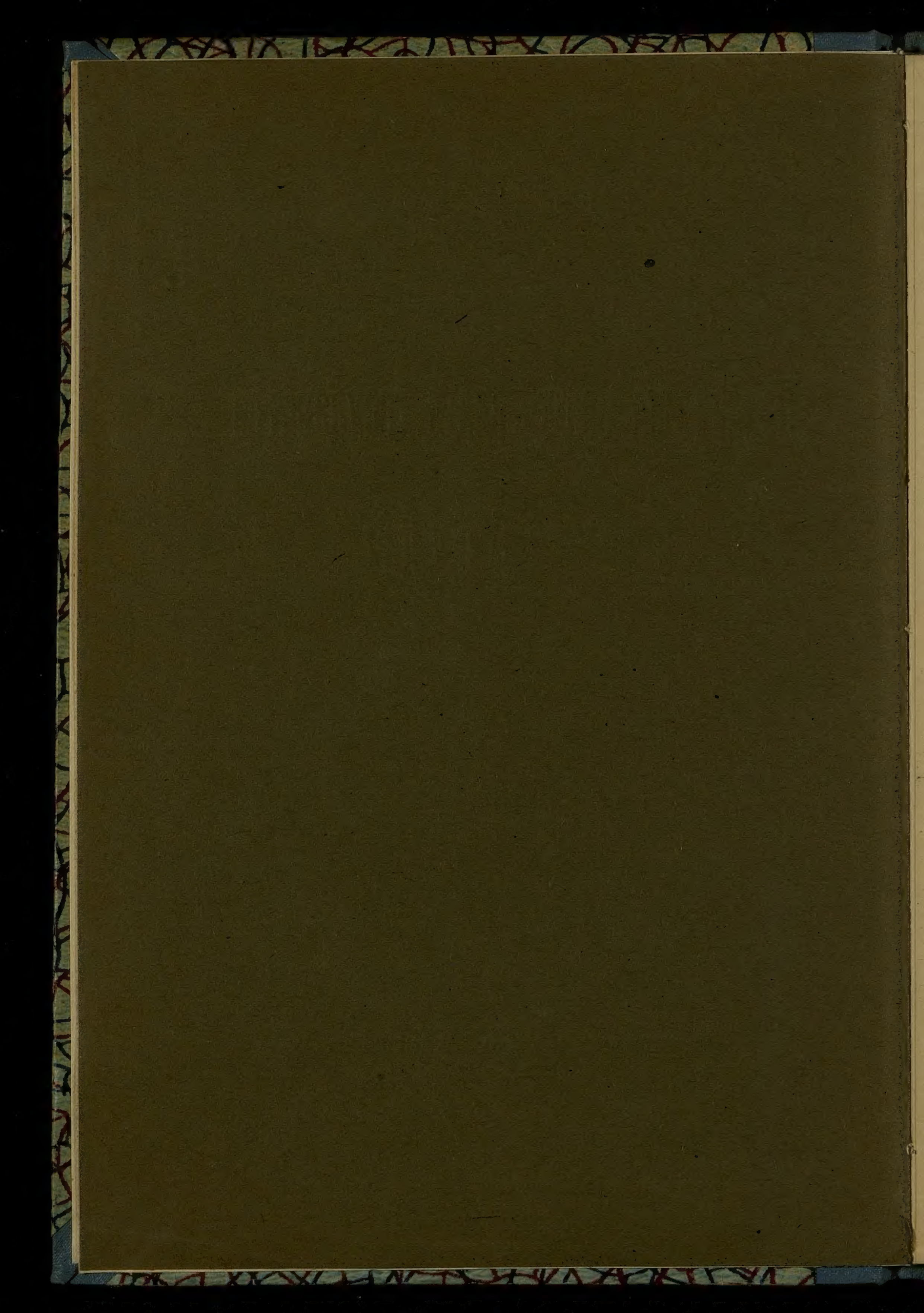

Л. М. Зайцевъ.

Подданные враждебнаго государства и русскіе суды.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И. И. САМОНЕНКО.
КІЕВЪ,—1915.

Л. М. Зайцевъ.

Подданные враждебнаго государства и русскіе суды.

Кіевъ.
1915.

Дозволено военною цензурою 15 ноября 1914 года.

КІЕВЪ.
Типографія Акц. Общ. „Петръ Барскій въ Кіевѣ". Крещатикъ № 40.
1915.

Мм. Гг.[1]

Значительность предшествовавшихъ нынѣшней войнѣ торговыхъ отношенiй между Россiей, съ одной стороны, и Германiей, и Австрiей, съ другой, породила въ настоящiй моментъ рядъ важнѣйшихъ юридическихъ вопросовъ, сопряженныхъ съ ликвидацiей всей установившейся сѣти торгово-промышленныхъ связей между Россiей и этими странами.

Въ связи съ общимъ вопросомъ о дѣйствительности существующихъ частноправныхъ договорныхъ отношенiй между подданными воюющихъ государствъ, возникъ важнѣйшаго значенiя процессуальный вопросъ о томъ положенiи, въ которомъ очутились подданные враждебнаго государства, когда имъ приходится на территорiи непрiятеля осуществлять въ судебномъ порядкѣ свои частныя права. Вопросъ этотъ совсѣмъ не носитъ чисто академическаго характера. За то время, которое протекло съ момента начала военныхъ дѣйствiй, уже ряду россiйскихъ судебныхъ мѣстъ пришлось практически высказаться по вопросу о томъ, сохранилось ли или измѣнилось, по ихъ мнѣнiю, положенiе германскихъ и австрiйскихъ подданныхъ, по скольку они являются стороной въ судебномъ процессѣ, производящемся въ Россiи. Какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ, но въ практикѣ россiйскихъ судебныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе Правительствующаго Сената, нѣтъ прецедентовъ въ сферѣ этихъ проблемъ, и потому въ настоящее время судамъ приходится впервые разрѣшать возбужденные вопросы во всемъ ихъ принципiальномъ объемѣ.

Не располагая подлинными дѣлами, приходится въ отношенiи ссылокъ на нихъ пользоваться свѣдѣнiями, подчерпнутыми изъ общей и спецiальной юридической печати. На сколько можно судить по этимъ имѣющимся даннымъ, наши суды далеко не установили единообразныхъ точекъ зрѣнiя на вопросы о процессуальныхъ правахъ такихъ иностранцевъ въ россiйскихъ судебныхъ учрежденiй.

Такъ, петроградская судебная палата по иску „Deutsche Bank“ не нашла возможнымъ освободить повѣреннаго банка отъ его

---

[1]) Докладъ въ Кiевскомъ Юридическомъ Обществѣ 25 октября 1914 г. Въ настоящее изданiе вошли небольшiя дополненiя, на основанiи матерiаловъ, опубликованныхъ послѣ того, какъ докладъ былъ сдѣланъ.

обязанностей, отъ которыхъ онъ желалъ отказаться въ судебномъ засѣданіи безъ предупрежденія своего довѣрителя, и въ принципѣ признала за германскимъ банкомъ право на дальнѣйшее веденіе дѣла. Съ другой стороны, кіевскій окружный судъ, имѣвшій въ своемъ производствѣ дѣло по иску одной германской фирмы, по каковому дѣлу въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій даже имѣло мѣсто частичное признаніе, дѣло совершенно прекратилъ. Далѣе, харьковскій мировой судья по иску объ убыткахъ со стороны австрійской подданной также прекратилъ дѣло, въ виду ея подданства. Точно также поступилъ петроградскій мировой судья по иску австрійскаго подданнаго къ петроградскому Арматурно-Электрическому Обществу.

Наконецъ, петроградскій окружный судъ по дѣлу, въ которомъ германскій подданный фигурировалъ къ качествѣ отвѣтчика, не призналъ за послѣднимъ право быть представленнымъ на судѣ повѣреннымъ. Но, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ лишать его возможности охранять въ судебномъ порядкѣ свои права, судъ дѣло исключилъ изъ очереди.

Возбужденные вопросы также далеко не остались не замѣченными въ юридической печати и имъ оказался посвященнымъ цѣлый рядъ спеціальныхъ статей. Проявившееся въ нихъ общее теченіе уже гораздо ближе къ единообразію, несмотря на различіе въ точкахъ зрѣнія на нѣкоторые болѣе детальные вопросы. Забѣгая впередъ, надлежитъ отмѣтить, что доктрина въ общемъ не раздѣляетъ тенденцій, проявляемыхъ судебными мѣстами.

Въ виду обилія и разнообразія свѣжихъ статей по этому вопросу, хотѣлось бы, совершенно не претендуя на оригинальную его постановку, въ настоящемъ сообщеніи лишь бѣгло пересмотрѣть всѣ тѣ доводы, которые уже приводились въ печати, а также въ постановленіяхъ московскаго биржевого комитета, въ рядѣ совѣщаній съ московскими юристами посвятившаго себя этимъ вопросамъ. Разсмотрѣніе соображеній судебныхъ мѣстъ приходится пока оставить, за невозможностью полученія для ознакомленія подлинныхъ дѣлъ.

Возбужденный вопросъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Имѣютъ ли право лица, принадлежащія къ воюющей съ Россіей державѣ, право на защиту своихъ интересовъ въ россійскихъ судебныхъ мѣстахъ?

Принципіально по этому вопросу въ современной литературѣ и практикѣ государствъ Стараго и Новаго Свѣта существуютъ двѣ противоположныя точки зрѣнія, покоящіяся на различныхъ взглядахъ на сущность и значеніе войны.

По англо-американской теоріи, борьба во время войны не можетъ ограничиться однимъ лишь вооруженнымъ столкновеніемъ между государствами. Цѣль войны шире и заключается она въ причиненіи возможно большаго вреда всему экономическому благосостоянію противника и въ наизначительномъ истощеніи его матеріальныхъ силъ. Изъ этого въ Англіи и Америкѣ дѣлается выводъ, что всѣ частноправные договоры съ подданными воюющаго государства должны почитаться ничтожными и иностранныя заинтересованныя лица—потерявшими возможность добиваться осуществленія своихъ правъ въ англо-американскихъ судахъ. Англійская практика идетъ въ этомъ отношеніи даже такъ далеко, что распространяетъ это положеніе на тѣхъ иностранцевъ, торговыя предпріятія коихъ находятся на англійской территоріи. Лишь въ видѣ особыхъ разрѣшеній можетъ быть дано отдѣльнымъ иностранцамъ враждебной державы право вести процессъ въ англійскомъ судѣ.

Совершенно иное положеніе наблюдается въ континентальной Европѣ. Здѣсь и законодательство, и международныя соглашенія, и, въ большинствѣ случаевъ, практика установила взглядъ, въ основѣ своей противоположный изложеннымъ англо-американскимъ воззрѣніямъ на тѣ условія, при которыхъ должна протекать война. Господствующій здѣсь принципъ таковъ, что борьба ведется между государствами, какъ политическими единицами, и что по скольку это не угрожаетъ опредѣленнымъ военнымъ задачамъ, права отдѣльныхъ гражданъ не могутъ подлежатъ ограниченіямъ.

Что же касается, въ частности, вопроса о правѣ на правосудіе, то континентальная доктрина въ единеніи съ практикой, въ отличіе отъ англо-американскихъ понятій, проводящихъ рѣзкую границу между мирнымъ и военнымъ временемъ, считаетъ таковое при всякихъ обстоятельствахъ очевиднымъ и въ особыхъ обоснованіяхъ не нуждающимся. Въ видѣ общаго правила, всегда и безпрерывно дѣйствующаго, въ современномъ обществѣ не можетъ быть допущено существованіе лицъ, являющихся безправными субъектами, не могущими требовать примѣненія по отношенію къ себѣ общихъ правовыхъ нормъ. Лишить кого бы то нибыло права обращаться къ защитѣ суда значило-бы поставить данное лицо въ положеніе, совершенно несвойственное современнымъ общественно-правовымъ воззрѣніямъ.

Если мы теперь отъ общихъ соображеній обратимся къ дѣйствующему россійскому законодательству, являющемуся основнымъ источникомъ правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ положеніе иностранцевъ въ Россіи, то мы увидимъ, что оно точно также,

въ полномъ согласіи съ изложенными принципами, относится къ иностранцамъ. Такъ, статья 82-я основ. зак. говоритъ: „Правами россійскихъ подданныхъ иностранцы, въ Россіи проживающіе, пользуются съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ закономъ".

Далѣе, ст. 822-я законовъ о состояніяхъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію россійскихъ законовъ и пользуются оныхъ защитой и покровительствомъ".

Этотъ принципъ многократно подчеркивается въ другихъ мѣстахъ нашего законодательства по различнымъ поводамъ. Возьмемъ, напримѣръ, статью 2-ю устава торговаго, гласящую: „Право вступать въ договоры и обязательства, торговлѣ свойственные, принадлежитъ лицамъ обоего пола, русскимъ подданнымъ всѣхъ состояній и иностранцамъ". Но если въ данной статьѣ законодатель еще упоминаетъ спеціально объ иностранцахъ, то въ цѣломъ рядѣ другихъ законовъ онъ выражается въ наиболѣе общей формѣ, изъ которой явствуетъ опредѣленное намѣреніе охватить вообще всѣхъ возможныхъ правовыхъ субъектовъ. Въ этихъ случаяхъ законъ выражается такъ: ...никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ..., каждый имѣетъ право..., одно лицо... за счетъ другого лица... и т. д.

Имѣя въ виду всѣ эти данныя закона, и Правительствующій Сенатъ призналъ, что не можетъ быть сомнѣній относительно правъ иностранцевъ на судебную защиту въ Россіи, ибо таковая является единственнымъ логическимъ выводомъ изъ допущеннаго закономъ права на вступленіе въ договоры и сдѣлки. (Рѣшеніе Сената 1909 года, № 75). Еще въ болѣе раннемъ рѣшеніи (1894 года, № 62) Сенатъ по поводу правъ иностранцевъ вообще высказался, что: „по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, въ отношеніи которыхъ для пребывающихъ въ Россіи иностранцевъ не установлено особыхъ правилъ, они подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ Имперіи и пользуются всѣми правами, этими законами установленными".

Ясность законодательства и соотвѣтствующей сенатской практики не оставляетъ мѣста для разнаго толкованія вопроса о правахъ иностранцевъ въ Россіи. Кое какія сомнѣнія, однако, возбуждаетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ цитированныхъ законахъ, въ томъ числѣ въ ст. 82 законовъ основныхъ и ст. 822 законовъ о состояніяхъ, говорится объ иностранцахъ, пребывающихъ въ Россіи. Изъ этого нѣкоторые, въ томъ числѣ и г. Рубиновичъ, высказавшійся по этому поводу въ одномъ изъ послѣд-

нихъ номеровъ „Права“ [1]), умозаключаютъ, что всѣ блага россійскихъ законовъ, въ томъ числѣ и право на судебную защиту, не распространяются на иностранцевъ, не находящихся въ предѣлахъ Имперіи. Подтвержденіемъ этому должна также служить статья 224 Уст. Гражд. Судопр., формулированная, какъ извѣстно, слѣдующимъ образомъ: „Дѣла иностранцевъ, находящихся въ Россіи, какъ между собой, такъ и съ русскими подданными, подлежатъ вѣдомству русскихъ судебныхъ установленій, по общимъ законамъ и подсудности“.

Въ связи съ опроверженіемъ такого толкованія ст. 224 Уст. Гражд. Судопр., другой авторъ на страницахъ того же „Права“ [2]), ссылаясь на комментаріи сен. Исаченко, приходитъ къ выводу, что подобное толкованіе представляется безусловно неправильнымъ. Исаченко, опираясь на законодательные мотивы къ цитированной статьѣ, объясняетъ это выраженіе лишь неудачной редакціей, ибо, какъ мѣстонахожденіе статьи, такъ и мотивы къ ней, указываютъ лишь на одну цѣль, руководившую при ея созданіи и заключавшуюся въ уравненіи подсудности иностранцевъ съ русскими подданными. Если бы дѣло обстояло иначе, то какъ надлежало бы толковать 5-й пунктъ ст. 571 Уст. Гражд. Судопр., предоставляющій общимъ образомъ, безъ всякихъ оговорокъ, иностранцамъ, въ Россіи не проживающимъ и недвижимостью въ ея предѣлахъ не владѣющимъ, право искать въ русскихъ судахъ, при условіи обезпеченія возможныхъ судебныхъ издержекъ? Наконецъ, право, предоставленное иностранцамъ ст. 830 Зак. о сост. по поводу пріобрѣтенія недвижимости, не обусловленное проживаніемъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у законодателя сомнѣній на счетъ правъ живущихъ внѣ Россіи иностранцевъ на защиту россійскихъ судебныхъ мѣстъ, ибо такое владѣніе естественно сопряжено съ возможностью его судебной охраны. Впрочемъ, московскій биржевой комитетъ въ своихъ тезисахъ право на судебную защиту ограничилъ кругомъ иностранцевъ, пребывающихъ въ Россіи.

Но если относительно правового положенія въ Россіи иностранцевъ, какъ физическихъ лицъ, возникаетъ сравнительно мало контроверзъ, то съ юридическими лицами иностраннаго происхожденія дѣло обстоитъ нѣсколько иначе.

Съ интересующей насъ точки зрѣнія, иностранныя юридическія лица могутъ быть троякаго рода. Прежде всего существуетъ не мало организацій, находящихся фактически въ рукахъ ино-

---

[1]) „Право“, 1914 г., № 40.
[2]) „Право“, 1914 г., № 39.

странцевъ, но созданныхъ въ Россіи по русскому закону. Этотъ типъ организацій не можетъ быть взятъ подъ сомнѣніе въ отношеніи его формальной правоспособности. Къ другой категоріи иностранныхъ торговыхъ объединеній относятся тѣ фирмы, которыя, будучи созданы заграницей, вмѣстѣ съ тѣмъ получили признаніе и особое разрѣшеніе на развитіе своей дѣятельности въ Россіи. По отношеніи къ этому разряду, до изданія особаго законодательнаго акта, также едва-ли допустимы какія либо ограничительныя толкованія. Наконецъ, остается третій разрядъ иностранныхъ лицъ, которыя никакого разрѣшенія на функціонированіе въ предѣлахъ россійской Имперіи не получили. По поводу ихъ положенія создается противорѣчіе между законодательствомъ, практикой и частью доктрины, съ одной стороны, и противоположнымъ литературнымъ теченіемъ, съ другой. О процессуальномъ положеніи иностранныхъ обществъ имѣется въ дѣйствующемъ законодательствѣ указаніе въ прим. 2 къ ст. 2139 т. X, ч. I, формулированное такъ:

„Французскія акціонерныя (анонимныя) общества и другія товарищества торговыя, промышленныя и финансовыя, учрежденныя во Франціи и называемыя товариществами съ ограниченной отвѣтственностью, могутъ пользоваться въ Россіи всѣми ихъ правами и въ томъ числѣ правами судебной защиты, сообразуясь съ русскими законами (а). Акціонерныя (анонимныя) общества и другія товарищества торговыя, промышленныя или финансовыя, учрежденныя въ Бельгіи съ дозволенія тамошняго правительства, могутъ пользоваться въ Россіи всѣми ихъ правами и въ томъ числѣ правами судебной защиты, сообразуясь съ русскими законами, если подобныя общества и товарищества, законно-учрежденныя въ Россійской Имперіи, будутъ пользоваться одинаковыми правами въ Бельгіи. Министру Иностранныхъ Дѣлъ представляется право заключать по соглашенію съ Министрами Торговли и Промышленности и Финансовъ по принадлежности, такія же условія и съ другими иностранными державами, не испрашивая на сіе каждый разъ особаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ (б)“.

Въ своихъ взглядахъ на иностранныя коммерческія общества цитированный россійскій законъ воспроизвелъ принципы французскаго законодательства 1857 г., явившагося прототипомъ соотвѣтственныхъ нормъ большинства современныхъ европейскихъ законодательствъ.

Практическая важность повсемѣстнаго измѣненія существующихъ въ этомъ направленіи нормъ, побудила еще въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка Институтъ Международнаго

Права войти съ представленіемъ къ европейскимъ правительствамъ о совмѣстной переработкѣ акціонернаго права ихъ государствъ и, въ частности, о взаимномъ признаніи ихъ акціонерныхъ организацій. Однако, законодательнаго осуществленія этотъ проектъ пока не получилъ.

Въ виду этого, у насъ считалось практически установленнымъ, что для допущенія иностраннаго юридическаго лица въ судебной защитѣ въ россійскихъ судебныхъ мѣстахъ, необходимо соотвѣтственное признаніе его русской властью. Взамѣнъ индивидуальныхъ признаній въ отношеніи каждаго отдѣльнаго чужестраннаго юридическаго лица, съ рядомъ государствъ, въ порядкѣ конвенцій, были заключены договоры о взаимномъ признаніи иностранныхъ организацій. Въ частности, между Россіей и Германіей такая конвенція была заключена въ 1885 году, причемъ это право на судебную защиту оказалось вновь подтвержденнымъ въ торговомъ договорѣ 1894 года.

На основаніи этой конвенціи 1885 года германскія акціонерныя общества и другія товарищества признаются въ Россіи, „какъ имѣющія законное существованіе“ и имъ дается „право судебной защиты, какъ въ качествѣ истцовъ, такъ и въ качествѣ отвѣтчиковъ“ [1]). Основная практика Правительствующаго Сената такова, что лишь при наличности такой взаимности, покоящейся на договорахъ, дается судебная охрана иностраннымъ Обществамъ. Правда, имѣются отступленія со стороны Сената отъ этой точки зрѣнія, выраженной въ его рѣшеніи по Гражд. Кассац. Деп. 1883 году за № 44,

---

[1]) Въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Гражданскаго Права“ за 1914 годъ, г. Добринъ, разбираясь въ этомъ вопросѣ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ приводившемся примѣчаніи къ ст. 2139 т. X ч. I говорится лишь объ акціонерныхъ обществахъ и товаришествахъ съ ограниченной отвѣтственностью (во Франціи) и объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ, учрежденныхъ съ дозволенія Правительства (въ Бельгіи). Существовавшіе въ моментъ созданія этого закона прочіе виды торговыхъ товариществъ—полное, на вѣрѣ и акціонерная коммандита подъ перечисленныя въ законѣ категоріи не подходятъ. Эти виды торговыхъ объединеній, по мнѣнію г. Добрина, должны взаимно признаваться независимо отъ конвенцій. Такое признаніе подлежитъ распространенію на соотвѣтственныя организаціи всѣхъ иностранныхъ государствъ, въ томъ числѣ, конечно, и на германскія и на австрійскія. То обстоятельство, что въ нынѣ уничтоженныхъ договорахъ съ Германіей и Австріей статьи, касающіяся взаимнаго признанія юридическихъ лицъ, не знаютъ оговорокъ относительно того или иного ихъ вида, значенія, съ точки зрѣнія г. Добрина, имѣть не должно, ибо повтореніе въ договорахъ положеній, заключающихся уже во внутреннемъ законодательствѣ договаривающихся странъ, встрѣчается нерѣдко и не можетъ на законодательство повліять въ зависимости отъ прекращенія дѣйствія этихъ договоровъ.

которыя нашли себѣ мѣсто въ двухъ рѣшеніяхъ судебнаго департамента (1897 г., № 61 и 1901 г., № 1744). Въ этихъ рѣшеніяхъ была признана судебная правоспособность иностранныхъ обществъ, независимо отъ существованія соотвѣтственныхъ договоровъ съ ихъ національными государствами. Нельзя не указать, что петроградская судебная палата, по упоминавшемуся выше дѣлу, въ коемъ истцомъ явился „Deutsche Bank“, какъ будто тоже стала на ту точку зрѣнія, что для признанія права на судебную защиту за иностраннымъ юридическимъ лицомъ не требуется особой санкціи со стороны россійской власти. Потребовавъ отъ банка лишь обезпеченія судебныхъ издержекъ, палата, повидимому, не усумнилась въ основномъ правѣ банка на продолженіе судебнаго процесса. Во всякомъ случаѣ, въ виду уничтоженія междугосударственныхъ конвенцій съ воюющими противъ Россіи государствами указомъ 28 іюля с. г., права, практически покоящіяся только на этихъ конвенціяхъ, должны считаться отмѣненными. А такъ какъ, съ точки зрѣнія нашей практики, право на судебную защиту для непризнанныхъ въ Россіи иностранныхъ О-въ покоится именно на конвенціяхъ, то для нихъ приходится признать это право съ момента уничтоженія конвенцій несуществующимъ.

Противъ сдѣланнаго вывода, повидимому базирующагося на общемъ духѣ нашей практики, къ каковому выводу недавно присоединилась уже упоминавшаяся мною комиссія при московскомъ биржевомъ комитетѣ, рѣшительно выступилъ недавно на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ московскій юристъ г. Брунъ [1]). Онъ, со своей стороны, полагаетъ, что для права обращенія къ судебной защитѣ, съ точки зрѣнія современной теоріи права, иностранное юридическое лицо отнюдь не нуждается въ признаніи его тѣмъ государствомъ, къ судебному мѣсту коего оно обращается. Для судебнаго мѣста достаточно того факта, что это юридическое лицо существуетъ. Существованіе его должно опредѣляться его національнымъ законодательствомъ. Требованіе же признанія со стороны россійской государственной власти относится не къ праву судебной защиты, а къ праву производства операцій въ предѣлахъ Имперіи. Онъ, далѣе, указываетъ, что даже въ отношеніи производства операцій россійское законодательство не всегда требуетъ своей санкціи и безъ особыхъ разрѣшеній допускаетъ по закону 8-го іюля 1888 года, функціонированіе иностранныхъ обществъ, дѣятельность коихъ въ Россіи заключа-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 11 сентября 1914 г.

ется лишь въ продажѣ своихъ издѣлій, а также въ судоходныхъ сношеніяхъ между россійскими и заграничными портами. Естественно, что правоотношенія всякаго иностраннаго общества, возникшія въ сферѣ только что отмѣченныхъ дѣйствій, конечно, должны постоянно пользоваться охраной русскаго закона. Вѣдь нельзя же себѣ вообразить предоставленнаго обществамъ внѣ всякихъ признаній или конвенцій права производить извѣстнаго рода операціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допустить законной охраны тѣхъ отношеній, которыя возникнутъ на почвѣ этихъ дѣйствій. Общій же вопросъ теоретически, во всякомъ случаѣ, споренъ [1]). Въ доктринѣ, какъ извѣстно, существуетъ значительное теченіе въ пользу безусловнаго признанія заграницей правоспособности иностраннаго юридическаго лица. Однако, точка зрѣнія г. Бруна, имѣющая въ англійской и германской литературѣ много защитниковъ (изъ французовъ Ленэ, изъ итальянцевъ—Фіоре) и практически осуществляемая, главнымъ образомъ, въ англо-американскомъ законодательствѣ, идетъ далеко въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ континентально-европейской, и въ частности, русской практики. Г. Брунъ, впадая въ противорѣчіе со ст. 2139 т. X ч. I [2]), тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что принимаемые имъ общіе

[1]) См. прил. бар. Б. Э. Нольде къ „Международному Праву“ Листа, рус. пер. изд. 1912 г. стр. 501.

[2]) Впрочемъ, г. Бѣляцкинъ („Вѣстникъ Права“, 1914 г. № 43), прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что ст. 2139 т. X ч. I не можетъ служить основаніемъ для непризнанія за иностранными юридическими лицами права на судебную защиту независимо отъ существованія конвенцій. Приводившееся выше рѣшеніе Сената 1883 г. за № 44 авторъ считаетъ однимъ изъ проявленій періода сомнѣній Сената въ правахъ иностранцевъ вообще, въ исполнимости въ Россіи рѣшеній ихъ судовъ и проч. (Объ этомъ см. мою статью: „Взаимное Исполненіе Иностранныхъ Судебныхъ Рѣшеній и Русско-Германскій Торговый Договоръ“. Труды Россійской экспортной палаты 1914 г.). Впрочемъ, дальнѣйшее обоснованіе утвержденія г. Бѣляцкина едва ли правильно. Такъ, онъ, между прочимъ, аргументируетъ противъ сенатской практики устарѣлостью указаннаго примѣчанія къ ст. 2139 т. X ч. I. Соглашаясь съ нимъ въ принципѣ, все-же нельзя не считаться съ неотмѣненнымъ, хотя и отжившемъ быть можетъ свой вѣкъ, закономъ, когда разрѣшается вопросъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства. Проф. Каминка въ № 44 „Права“ за 1914 годъ высказываетъ то соображеніе, что смыслъ прим. 2 къ ст. 2139 зак. гражд. заключается не въ требованіи непремѣннаго существованія формальной конвенціи, а въ фактическомъ признаніи россійскихъ обществъ въ соотвѣтственной странѣ. Судя по всѣмъ наиболѣе значительнымъ германскимъ комментаторамъ, правоспособность иностранныхъ, въ частности русскихъ, юридическихъ лицъ, германскими судебными мѣстами до сихъ поръ не оспаривалась. Поэтому проф. Каминка, имѣя въ виду взаимность, считаетъ, что и въ Россіи нѣтъ пока законныхъ основаній отказывать въ судебной правоспособности германскимъ обществамъ.

принципы права, не встрѣчая себѣ возраженій со стороны положительнаго россійскаго законодательства, должны привести къ тому убѣжденію, что всѣ иностранныя о-ва во всякое время должны пользоваться возможностью обращенія къ россійскимъ судебнымъ мѣстамъ. Большинство изслѣдователей, высказавшихся по этому вопросу въ самое послѣднее время, однако, не соглашаются съ г. Бруномъ. Рядъ авторовъ на страницахъ „Права“ [1]), „Вѣстника Права“ [2]), „Торгово-Промышленной Газеты“ [3]) и „Русскихъ Вѣдомостей“ [4])—приходятъ къ тому убѣжденію, что иностранныя юридическія лица, не получившія признанія въ Россіи, съ объявленіемъ войны и паденіемъ конвенцій, утеряли право на судебную защиту. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что правомѣрныя притязанія иностранныхъ организацій по отношенію къ ихъ россійскимъ контрагентамъ должны считаться окончательно отвергнутыми. Но онѣ подлежатъ своему разсмотрѣнію лишь впослѣдствіи, когда возстановятся вновь мирныя отношенія, пока-же, по образному выраженію московскаго юриста г. Гольдовскаго, они должны быть подвергнуты временному юридическому анабіозу [5]). Но если такъ, то какъ быть съ теченіемъ давности? Ее пришлось бы признать пріостановленной? Но для этого въ дѣйствующемъ законѣ основаній нѣтъ.

Въ самомъ началѣ я уже указалъ на случаи изъ практики послѣдняго времени, когда суды, не отрицая за германскимъ или австрійскимъ подданнымъ права на судебную защиту, вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то не признавали возможнымъ допускать къ объясненіямъ ихъ повѣренныхъ, дѣйствовавшихъ на основаніи законно выданной довѣренности. На чемъ покоится подобный взглядъ,—представляется совершенно непонятнымъ и подтвержденія ему ни въ статьяхъ 14—16 Уст. Гражд. Судопр., ни въ статьяхъ 2330 и 2293 законовъ гражданскихъ, найти невозможно.

Признаніе за иностранцемъ права защищать свои интересы въ русскомъ судѣ и одновременное отрицаніе за нимъ права быть представленнымъ на судѣ повѣреннымъ—является положеніемъ, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ, мало обоснованнымъ. Комиссія при московскомъ биржевомъ комитетѣ, обсуждая вопросъ о дѣйствительности довѣренностей, выданныхъ

---

[1]) „Право“, 1914 г., № 39.

[2]) „Вѣстникъ Права“, 1914 г , № 34.

[3]) „Торгово-Промышленная Газета“, 17 октября 1914 г.

[4]) „Русскія Вѣдомости“, 4 сентября 1914 г,

[5]) Противъ такого юридическаго явленія, приближающагося къ римскому postliminium'у, выступилъ г. Гойхбаргъ („Вѣстникъ Права“, 1914 г., № 37).

иностранцами до указа 28 іюля, пришла къ убѣжденію въ ихъ дѣйствительности.

На всѣ изложенныя соображенія по поводу судебно-правового положенія иностранцевъ въ Россіи въ настоящій моментъ во время войны возражаютъ, что всѣ эти доводы хороши въ нормальное, мирное время, а что съ наступленіемъ войны картина мѣняется. При этомъ ссылаются на Высочайшій указъ 28 іюля, пунктомъ первымъ своимъ прекратившій „дѣйствіе всякихъ льготъ и преимуществъ, предоставленныхъ подданныхъ непріятельскихъ государствъ договорами и началами взаимности“. Этимъ указомъ, однако, приводившіеся законы россійскаго законодательства не отмѣнены [1]), а лишь прекращено дѣйствіе договоровъ и конвенцій съ воюющими государствами, за исключеніемъ немногихъ, созданныхъ спеціально на случай войны [2]). Именно, говорятъ, въ уничтоженныхъ конвенціяхъ подробно говорилось, между прочимъ, и о судебныхъ правахъ договаривающихся государствъ. Но едва ли будетъ на этомъ основаніи вѣренъ выводъ относительно утраты иностранцами также и тѣхъ правъ, кои имъ присвоены не только по потерявшимъ силу международнымъ договорамъ, но и по россійскому общему законодательству, сохра-

---

[1]) Если послѣ указа 28 іюля могли еще допускаться сомнѣнія о дѣйствительности въ настоящее время законовъ, предоставляющихъ иностранцамъ, принадлежащимъ къ враждебной державѣ, тѣ или иные права, то послѣ закона 22 сентября они должны окончательно разсѣяться. Воспретивъ иностранцамъ этой категоріи опредѣленнаго рода сдѣлки, законъ тѣмъ самымъ призналъ неизмѣнность всѣхъ остальныхъ нормъ, опредѣляющихъ положеніе иностранцевъ.

[2]) Самый вопросъ объ автоматическомъ уничтоженіи войной договоровъ, касающихся гражданско-правовыхъ вопросовъ, далеко не окончательно разрѣшенъ современнымъ международнымъ правомъ. Если Листъ (Международное Право, русскій пер. 1912 г., стр. 226) говоритъ, что „война прекращаетъ существующіе между воюющими государствами договоры, имѣющіе характеръ юридическихъ сдѣлокъ, если эти договоры всецѣло или въ отдѣльныхъ своихъ постановленіяхъ не заключены именно на случай войны“, то проф. Политисъ, съ другой стороны, утверждаетъ, что въ принципѣ допустимо сохраненіе во время войны силы „за договорами, касающимися частныхъ правъ и личныхъ гарантій, договорами, относящимися до судопроизводства, исполненія судебныхъ рѣшеній, вопросовъ международнаго частнаго права“. На основаніи того положенія, что война сама по себѣ еще не влечетъ за собой непремѣннаго паденія всѣхъ конвенцій, г. Добринъ въ цитированной статьѣ приходитъ къ выводу, что въ настоящій моментъ, согласно указу 28 іюля, лишь тѣ конвенціи и договоры должны почитаться уничтоженными, кои предоставляютъ иностранцамъ льготы и преимущества по сравненію съ ихъ положеніемъ по общему россійскому законодательству. Поэтому такіе договоры, какъ конвенція о наслѣдствахъ, напр., кои иностранцамъ никакихъ льготъ, въ видѣ общаго правила, не предоставляютъ, должны считаться сохранившими свою силу.

нившему всю свою силу. Съ упраздненіемъ конвенцій не упразднена статья 82-я основныхъ законовъ и ст. 822 законовъ о состояніяхъ. Наконецъ, ст. 92 осн. зак. ясно указываетъ, что „законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ, только силой закона. По сему, доколѣ новымъ законамъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу“.

Съ уничтоженіемъ конвенцій, не существуетъ больше гаагское соглашеніе 1896 г., вновь пересмотрѣнное въ 1905 г. по поводу отказа договорившихся сторонъ отъ требованія обезпеченія возможныхъ судебныхъ издержекъ со стороны подданныхъ одного изъ этихъ государствъ, при веденіи ими дѣла въ другомъ, если у нихъ не имѣется здѣсь недвижимаго имущества и они не состоятъ на службѣ въ Россіи, какъ этого требуетъ 5 п. 571 ст. Уст. Гражд. Суд. Но вѣдь самая статья эта никѣмъ не отмѣнялась и въ ея текстѣ никакихъ оговорокъ о различномъ положеніи иностранцевъ въ мирное и военное время не заключается. Прекращеніе дѣйствительности конвенцій законовъ не отмѣнило и лишь пало обязательство не измѣнять существующія нормы закона, дававшееся этими конвенціями. Съ другой стороны, тотъ же Высочайшій Указъ въ пунктѣ 4-мъ оповѣщаетъ о томъ, что нашимъ государствомъ во время настоящей войны будетъ соблюдаться, подъ условіемъ взаимности, среди прочихъ правилъ, также конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, подписанная на второй конференціи мира въ Гаагѣ въ 1907 году. А пунктъ h ст. 23 этихъ правилъ гласитъ, что воспрещается: „объявлять потерявшими силу, пріостановленными или лишенными судебной защиты права и требованія подданныхъ противной стороны“. Правда, это обѣщаніе дано подъ условіемъ взаимности.

Условность обѣщанія исполнять конвенцію успѣла породить разные выводы. Приходится слышать, что имѣется уже достаточное количество достовѣрныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о многократномъ нарушеніи нашими противниками тѣхъ нормъ, которыя приняты гаагскими положеніями о сухопутной войнѣ. Изъ этого нѣкоторые заключаютъ, что и для Россіи необязательно исполненіе этихъ правилъ въ ихъ совокупности. Противъ этого утвержденія выдвигается, съ другой стороны, чисто цивилистическое возраженіе, что неисполненіе однимъ контрагентомъ части своихъ обязанностей, принятыхъ имъ на себя по договору, не можетъ служить также и для другого контрагента основаніемъ для отказа отъ признанія дѣйствительности соглашенія, и слѣдовательно, для его неисполненія. Наконецъ, привступаетъ еще сомнѣніе, достаточно ли частныхъ, хотя бы и достовѣрныхъ свѣдѣній о поведеніи непріятеля, для того, чтобы считать гаагскую

конвенцію въ россійской практикѣ не подлежащей примѣненію, или для этого необходимо положить въ основаніе оффиціальное сообщеніе. Всѣ эти вопросы также служили предметомъ обсужденія въ московскомъ биржевомъ комитетѣ, который, однако, по поводу нихъ, въ виду обнаружившагося разногласія во мнѣніяхъ, рѣшительнаго заключенія не вынесъ. Намъ, однако, представляется, что вопросъ о послѣдствіяхъ, вытекающихъ для подписавшихъ конвенцію державъ, достаточно опредѣленно выясненъ въ ст. 3 конвенціи: „Воюющая сторона, которая нарушитъ постановленія сказаннаго Положенія, должна будетъ возмѣстить убытки, если къ тому есть основаніе. Она будетъ отвѣтственна за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ военныхъ силъ". Наконецъ, по настоящее время Верховной Властью не заявлено объ отказѣ отъ примѣненія Россіей указанныхъ правилъ, а потому пока и уничтоженіе существующихъ законоположеній объ иностранцахъ въ сторону ихъ ограниченія, быть можетъ, представляетъ затрудненія даже въ законодательномъ порядкѣ. Самый отказъ отъ конвенціи ея содержаніемъ обставленъ извѣстными условіями. Ст. 8 конвенціи гласитъ: „Въ случаѣ, если бы одна изъ договаривающихся державъ пожелала отказатся отъ настоящей конвенціи, объ этомъ отказѣ письменно оповѣщается Нидерландское Правительство, которое немедленно сообщаетъ засвидѣтельствованную копію оповѣщенія всѣмъ другимъ державамъ, увѣдомляя ихъ о днѣ, когда оно его получило. Этотъ отказъ будетъ дѣйствительнымъ лишь въ отношеніи державы, сдѣлавшей о немъ оповѣщеніе и лишь годъ спустя послѣ того, какъ оповѣщеніе было получено Нидерландскимъ Правительствомъ".

Впрочемъ, Англія, напримѣръ, также подписавшая конвенцію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны и, слѣдовательно, формально ею связанная, продолжаетъ держаться своей традиціонной точки зрѣнія на ограниченіе процессуальныхъ правъ подданныхъ воюющей съ Англіей державы. Толкуя цитированный пунктъ конвенціи въ томъ смыслѣ, что онъ касается лишь воспрещенія военнымъ властямъ запугивать мирное населеніе, англійская практика продолжаетъ и теперь осуществлять свои традиціонные принципы въ дѣлѣ войны.

Примѣнимы ли тѣ же общія нормы о положеніи иностранцевъ также и къ военноплѣннымъ? Большинство склоняется къ тому выводу, что глава о военноплѣнныхъ, заключающаяся въ конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, направлена лишь къ ограниченію дѣеспособности военноплѣнныхъ. Ихъ правоспособности принятыя нормы о военноплѣнныхъ поражать не

могутъ, а потому все, сказанное вообще объ иностранцахъ враждебной державы, всецѣло относится и къ военноплѣннымъ. Ихъ дѣеспособность фактически лишь можетъ быть ограничена военными властями.

Между прочимъ, практическое значенiе признанiя за иностранцами права на судебную защиту заключается еще и въ томъ, что это даетъ возможность привлекать ихъ также къ суду въ роли отвѣтчиковъ. Отрицательный отвѣтъ на вопросъ объ ихъ процессуальныхъ правахъ долженъ былъ бы повлечь за собой либо невозможность предъявленiя къ такимъ иностранцамъ исковъ, либо созданiе особыхъ процессуальныхъ натяжекъ.

Однако, признавая по изложеннымъ соображенiямъ право за большинствомъ иностранныхъ подданныхъ, даже и послѣ объявленiя войны ихъ государствами, пользоваться защитой россiйскихъ судебныхъ мѣстъ, приходится столкнуться съ вопросомъ объ избѣжанiи усиленiя финансовыхъ средствъ того государства, съ которымъ ведется война. Это убѣжденiе приводитъ къ сознанiю невозможности допущенiя отлива русскихъ денежныхъ средствъ за границу. И московскiй биржевой комитетъ, и Особое Совѣщанiе при Министерствѣ Юстицiи пришли къ тому рѣшенiю, что необходимо рѣшительнымъ и общимъ образомъ воспрепятствовать вывозу русскихъ цѣнностей за границу, хотя-бы для этого пришлось прибѣгнуть къ созданiю уголовной санкцiи за такой вывозъ. Съ другой стороны, компетентными юристами дѣлались предложенiя о созданiи спецiальныхъ контрольныхъ органовъ надъ австрiйскими и германскими организацiями, дѣйствующими въ Россiи, дабы предовратить съ ихъ стороны возможныя дѣйствiя, направленныя противъ россiйскихъ интересовъ, въ томъ числѣ и переводы за границу денегъ. Нѣкоторымъ образцомъ можетъ, по ихъ мнѣнiю, послужить англiйскiй порядокъ, заключающiйся въ томъ, что одному изъ большихъ нѣмецкихъ банковъ было предоставлено право продолжать производство на англiйской территорiи операцiй, съ тѣмъ, чтобы таковыя совершались подъ наблюденiемъ чиновника съ полномочiями: 1) отказывать въ разрѣшенiи какихъ либо платежей, могущихъ показаться ему не совмѣстимыми съ интересами нацiи; 2) разрѣшать такiя новыя операцiи, которыя, по его мнѣнiю, необходимы или желательны для завершенiя сдѣлокъ; 3) разрѣшать или запрещать совершенiе отдѣльныхъ операцiй. По мнѣнiю юридической комиссiи при Московскомъ Биржевомъ Комитетѣ, мѣры, направленныя противъ отлива цѣнностей за границу, отнюдь не противорѣчатъ правиламъ пункта h ст. 23 Гаагской

конвенціи, ибо статья эта помѣщена въ главѣ, трактующей о запрещенныхъ способахъ нанесенія вреда, но она отнюдь не воспрещаетъ принятія мѣръ къ защитѣ страны и не обязываетъ оказывать содѣйствіе непріятелю; переводъ же денегъ въ враждебное государство было-бы равносильно доставленію средствъ врагу, къ чему никакой договоръ обязывать не можетъ. Но все это не касается процессуальной правоспособности иностранцевъ, а представляется лишь временнымъ, вызваннымъ обстоятельствами войны, ограниченіемъ свободы распоряженія ихъ собственностью. Подобныя мѣропріятія относятся къ той-же категоріи дѣйствій, какъ и высылка иностранцевъ изъ опредѣленныхъ мѣстностей, секвестра ихъ имущества и т. п., осуществляемыхъ въ порядкѣ дѣйствующихъ исключительныхъ положеній. Само собой разумѣется, что принятіе указанныхъ мѣръ о временномъ воспрепятствованіи переводовъ цѣнностей въ воюющія съ Россіей страны возможно лишь въ законодательномъ порядкѣ.

Уже упоминалось о томъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ суды, очевидно колеблясь относительно вопроса о процессуальной правоспособности иностранцевъ во время войны, выходили изъ возникшаго положенія путемъ исключенія изъ очереди или пріостановки дѣлъ. Между тѣмъ, ст. 681 Гражд. Судопр., указывающая на тѣ случаи, когда пріостановка производства дѣла можетъ имѣть мѣсто, отнюдь не даетъ повода для своего примѣненія при подобныхъ обстоятельствахъ. Точно также и исключеніе изъ очереди по инициативѣ суда, безъ опредѣленнаго о томъ ходатайства сторонъ, отнюдь недопустимо съ точки зрѣнія установившейся практики.

Курьезный въ юридическомъ отношеніи случай переданъ г. Гойхбаргомъ на страницахъ „Вѣстника Права“ [1]). Одному казенному учрежденію предстоялъ очень крупный платежъ какому то австрійскому подданному, дѣйствовавшему черезъ повѣреннаго. Считая не соотвѣтствующей задачамъ переживаемаго времени передачу въ руки представителя враждебной державы столь крупной суммы, учрежденіе обратилось къ спеціалисту-профессору за указаніемъ, не существуетъ ли какихъ-нибудь законныхъ основаній для того, чтобы немедленно не производить указаннаго платежа. На свой вопросъ учрежденіе получило совѣтъ потребовать отъ повѣреннаго доказательства того, что его довѣритель находится въ живыхъ. Не приходится, конечно, останавливаться на выясненіи всей произвольности и необоснованности подобнаго со-

---

[1]) „Вѣстникъ Права“, 1914 г. № 35

вѣта. Если бы учрежденіе дѣйствительно имъ воспользовалось, несомнѣнно, что судъ не только отвергнулъ бы это возраженіе, но и присудилъ бы контрагенту казны установленную неустойку и проценты за несвоевременную уплату причитающихся денегъ. Разумѣется, не въ подобныхъ неосновательныхъ пріемахъ судебной волокиты приходится искать средствъ для ослабленія финансовыхъ рессурсовъ представителей враждебнаго государства.

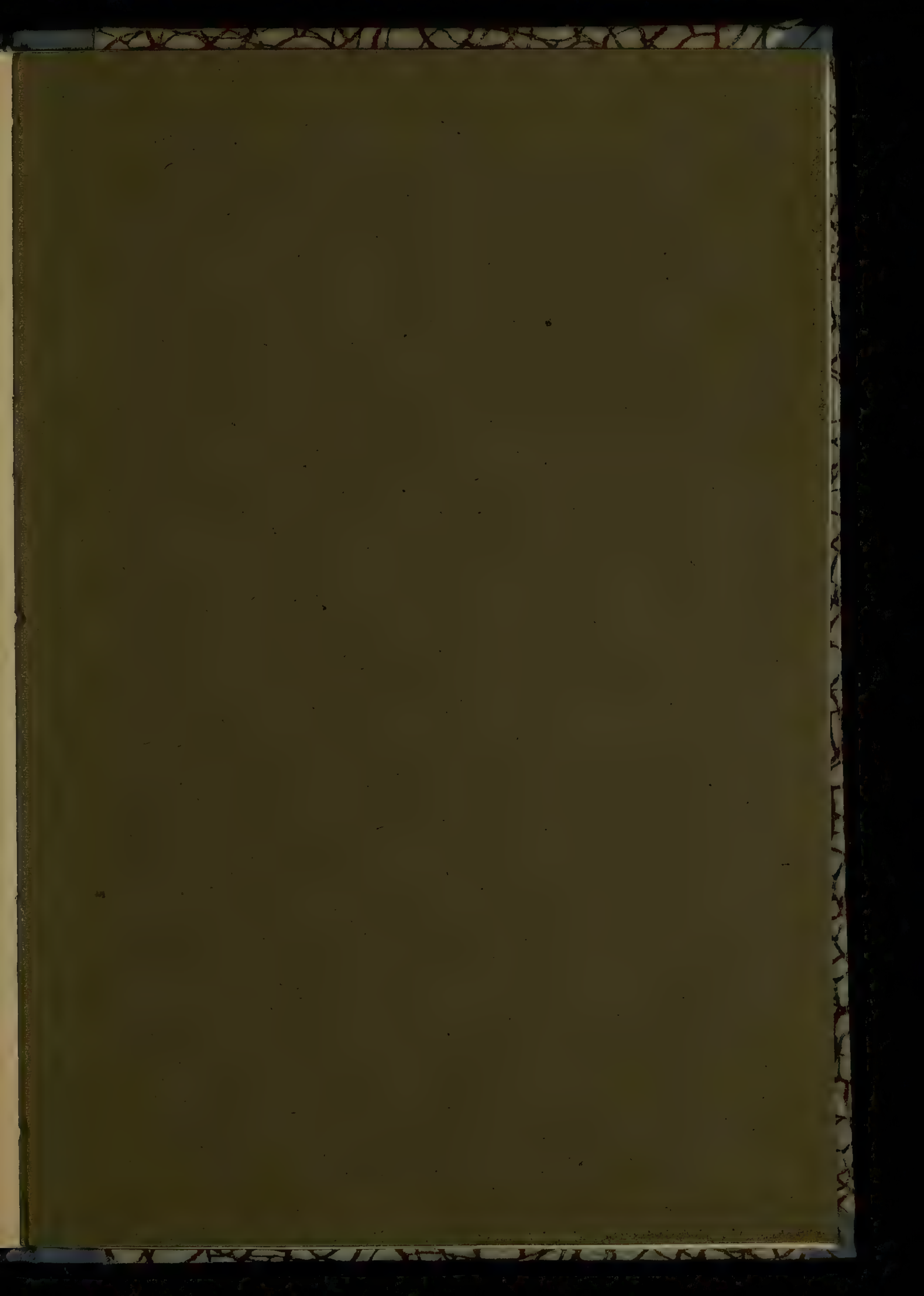
Кн. Пав. Долгоруковъ въ засѣданіи Общества Мира 21 октября с. г. въ Москвѣ [1]), между прочимъ, сказалъ:

„...Въ настоящее тяжелое время, переживаемое Европой, имѣя въ виду будущее мирное время и исповѣдуемое нами сближеніе народовъ, мы должны стремиться окончательно сокрушить германскій милитаризмъ въ интересахъ права и мира, но надо помнить, что Россія, втянутая въ войну съ Германіей, ведетъ ее противъ германскаго милитаризма, но не противъ германской народной культуры“ и не противъ законныхъ притязаній германскихъ подданныхъ, нуждающихся въ правосудіи россійскихъ судебныхъ мѣстъ,—добавимъ мы отъ себя.

[1]) Цитир. по „Русск. Вѣдом.“ отъ 25 октября 1914 г.

Дозволено военною цензурою 15 Ноября 1914 г.

Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“ Крещатикъ № 40.

Того-же автора:

Отвѣтственность при массовыхъ преступленіяхъ. Съ предисловіемъ П. И. Люблинскаго. Кіевъ. 1909 г. Изд. И. И. Самоненко.

Пятый международный патронатный конгрессъ въ Антверпенѣ. Петроградъ. 1912 г.

Независимость суда. Петроградъ. 1912 г.

О наказуемости недобросовѣстной конкурренціи. Москва. 1912 г.

Die Strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit bei Massenverbrechen. Halle a/S. Carl Marhold Verlagsbuchhandlung. 1912.

Состояніе преступности въ Англіи. Петроградъ. 1913 г.

Взаимное исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и русско-германскій торговый договоръ. Труды Юго-Западнаго отдѣленія Россійской Экспортной Палаты. Кіевъ. 1914 г.

Цѣна 25 коп.

